

из главы
В СТЕПЬ
3

• • •

Прибыли на место поздней ночью, путешествие закончилось благополучно, оси в грузовике не «повылаживали», машину загнали во двор к председателю, конопатого шофера Айдар забрал ночевать к себе, а Аугуст остался у Рукавишникова. Его накормили простоквашей с ломтем черного, подового хлеба и уложили спать на полати рядом с двумя пацанами разных калибров. Младший, годов четырех, проснулся, посмотрел на Аугуста удивленно и стал брыкаться за место. «Тихо, а то съем», – прошептал ему Аугуст. «Ты волк?» – спросил малыш настороженно. «Волк, волк, только добрый», – заверил его Аугуст, подгрел малыша к себе под бочок, и ребенок доверчиво заснул опять. Аугуст закрыл глаза и снова увидел перед собой сказочную красавицу с полураспушенной золотой косой, которая только что кормила его простоквашей внизу... то была дочь Рукавишникова. Аугуст успел в нее влюбиться, не спросив даже имени. Ах, да, Уля, кажется – так называл ее председатель. Так Аугуст и уснул – с золотым свечением в глазах.

Беготня в избе поднялась еще затемно, и Аугуст проснулся и полез вниз, но его погнали назад, чтобы не путался под ногами. Оказывается, Рукавишников провожал в институт дочь Ульяну. Та поступила в Алма-Атинский пединститут еще летом, и занятия уже начались, но Уля никак не могла уехать. Все ждали тетку Стешу с Урала, чтобы смотреть за пацанами. До сих пор за мать им была семнадцатилетняя Уля. Четыре года назад жена Рукавишникова не пережила последних родов, и все хозяйство повисло на старшей дочери Уленьке, которой тогда было всего тринадцать, а старшему из пацанов два годика. Накануне, пока отец был в отъезде, тетка Стеша прислала телеграмму, что едет, наконец, и Ульяна срочно заторопилась в институт, пока не отчислили.

Новый работник Аугуст с печки никакого отношения ко всей этой суете с институтом не имел и иметь не мог, но вдруг заартачился лезть назад на полати и заявил, что обязательно поможет грузиться на телегу и провожать Улю.

– Во как! – удивился отец, – ну тогда помогай...

Ульяна вскинула на Аугуста темно-синие, как океан, тоже удивленные глаза, и это было ему наградой, хотя он и смутился до полной бестолковости движений и разозлился на себя... «да она же совсем ребенок еще...». Пока отец запрягал коня во дворе, Ульяна спросила:

– Вы в «Степной» работать приехали? Вы агроном?

– Нет, я... трактористом работать буду.

– О, это здорово.

– Ульяна, готово, – послышалось снаружи, и Аугуст схватился за чемоданы, а Уля полезла на полати, чтобы поцеловать на прощанье милых братиков своих, которым она была скорей мамкой, чем сестрой.

Погрузили два чемодана Ули на телегу, и она сказала: «Папа, да не провожай ты меня. А то я дороги не знаю, можно подумать! Оставлю коня возле усадьбы Никиты Игнатъича, а кто-нибудь заберет его потом. Я же знаю, что у тебя дел невпроворот. А то ты пока вернешься – полдень уже будет. Оставайся!».

– Э-э-э, нет, – засомневался председатель, – одну не отпущу.

– А давайте я ее провожу, – предложил Аугуст.

– Во как, – удивился Рукавишников вторично, – а как ты назад дорогу найдешь? Ты ж тут ничего не знаешь еще.

– Дорога-то одна, папа. Конь сам найдет.

– Вы что, сговориться уже успели, что ли? Ну ты и скор, Баер ты мой драгоценный. Если ты мне так же скоро и трактор запустишь, то тебе цены нет. Что ж, ладно, проводи мое солнышко ясное. И смотри... головой отвечаешь за нее! За коня – тоже!

– За кого больше? – серебристо рассмеялась Уленька.

– Больше – за тебя, – отрезал председатель без улыбки и уже в жестком, приказном порядке обратился к Аугусту: «Передашь ее Никите с рук на руки – и тут же обратно. Никаких кабаков, смотри!»

– Да я же не пью, Иван Иванович.

– Знаю, знаю, ладно. Садись в телегу, Улюшка... вот так... напиши сразу..., – голос Рукавишникова застрял в воротнике, – ну, трогайте, что ли..., – но дочь соскочила с телеги и обняла его:

– Папка, папка, ну как вы тут без меня будете? – она заплакала.

– Не вой... ишь ты... не вой, говорю... учиться едешь, не на войну. Потерим четыре года как-нибудь, а пока мы тебе тут школу построим...

– Четыре года...

– Не вой, говорю... родненькая ты моя... – железный Рукавишников поплыл голосом, но тут же оторвался от дочери и крикнул: «Ну, садись, наконец, что ли... поехали, давай! Игнатич ждать не станет, прохвост этот, уедет только так... Баер, трогай!».

И Аугуст стегнул коня. Он был за возницу. Это был первый его трудовой наряд на новом рабочем месте в колхозе «Степной». Хотя полноправным колхозником он не был и никогда им не станет. Колхозниками являлись только «долевики» – местные жители, казахи и русские, сведенные в один животноводческий потенциал по результатам местной коллективизации пятнадцать лет назад. Остальные были, как говорил местный болтун-балагур Серпушонок, «прицепные». Самого себя при этом Серпушонок называл «полноприводным колхозником». Все это Аугуст узнал, конечно, потом, позже, хотя многое рассказала ему и Уля, по дороге в село Саржал, до которого было тринадцать километров степного пути – частью меж уже пустых полей. Там некий Никита Игнатич, завмаг, по средам отправлял грузовую машину в Семипалатинск за товарами и почтой. С тем грузовиком и должна была Ульяна добраться до железнодорожной станции и уехать в Алма-Ату. «А вдруг билетов не будет? – озабоченно спросил ее Аугуст, – а общим вагоном Вам ехать нельзя, опасно. И ночевать на вокзале – тоже опасно».

– Будет билет, – махнула рукой Уля, – у нас там начальник вокзала знакомый дядька... а чего это Вы мне все время «выкаете»? У нас все друг дружку на «ты» называют, даже папу – «Иванычем» и на «ты».

– Буду знать. Но Вы, то есть ты ведь тоже мне «Вы» говоришь.

– Потому что Вы на начальника похожи. В этом пальто. Весь такой... важный. Я вчера ночью, когда вы приехали, подумала, что отец нового обкомовского инструктора привез или агронома. К нам агроном приехать должен. Полгода уже едет. Вот я и подумала, что Вы большой начальник. А он Вас вместо гостиницы – на наши полати, – Уля засмеялась.

– У вас гостиница есть? – удивился Аугуст.

– Да нет, просто так называется. У нашей тетки Айгули комната специальная есть в доме. Колхоз ковры постелил там и кровать с шифоньером купил, а тетка приезжих начальников кормить должна. Это ей тоже как наряд засчитывается. Вот и Вы на начальника похожи. Такой же важный...

– Нет, я не важный, – вздохнул Аугуст, и Уля расхохоталась:

– «Неважный» или «не важный»? – спросила она, но Аугуст не понял ее и расстроился, что она над ним смеется. Уля как-то сумела рассмотреть это в сером свете скучного утра и сказала ему, что смеется, потому что он очень смешно говорит.

– Но Вы очень хорошо говорите по-русски, – похвалила она его тут же, – ваши все хуже говорят, особенно старики. Разве вы все на Волге не по-русски говорили?

– Некоторые говорили, если русские села рядом были, а другие – нет.

– А Вы откуда русский язык знаете?

– В лесу выучил.

– В лесу?

– Да, в лагерях, – Аугуст отвернулся. Ему больно было говорить с ней на эту тему... зек, враг народа...

– Вы в трудармии были? – девушка спросила это спокойно и обыденно, немного даже грусти уловил Аугуст в ее голосе.

– Да, – ответил он.

– У нас тоже есть немцы из трудармии. У Трюммеров мать – еще зимой вернулась, умерла весной. И у Вальдфогелей два брата еще там, может, и возвращаться сюда не хотят. Немцам вашим здесь не нравится. Они все по Волге по своей плачут. А мы вот любим степь свою..., – на нее, кажется, совершенно никакого впечатления не произвел тот факт, что Аугуст – враг народа, помеченный этим званием самим великим Сталиным. Эта изумительная девушка уже успела познать суровую правду жизни и воспринимала ее реально.

Уже совсем рассвело. Конь трюхал бодро, широко размахивая хвостом.

– А почему Вы к нам приехали? – спросила Ульяна.

– А что я – очень старым тебе кажусь? – спросил Аугуст, улыбаясь.

– Нет, не старым, – удивилась девушка, – а причем тут это?

– Потому что ты на меня все еще «выкаешь», и получается, что я или важный, или старый. Но я уже сказал, что я не важный, значит – я старый.

– Ну и рассудили! Прямо как философ! Ладно, буду говорить Вам «ты», раз Вы не против.

– Я очень даже не против!

Ульяна посмотрела на своего ямщика подозрительно.. шутит или действительно... любезничает... шустрый такой? Аугуст не выдержал ее взгляда и отвернулся, покраснев.

«Любезничает! – ахнула про себя Ульяна, – да еще и краснеть умеет!». На самом деле ей все это было приятно до смешного. Но она решила не давать повода этому ночному пришельцу – пусть даже такому вот симпатичному и, наверно, очень хорошему человеку... ишь ты – еще оглянуться не успел на новом месте, а уже расфуфырился, краснеет тут... и она сказала Аугусту:

– Ты бы лучше дорогу запоминал, а то назад не доедешь...

– Так ведь, это самое... «дорога-то одна, конь сам дорогу найдет...».

Теперь уже смеялись они оба. Что-то растаяло между ними разом, и они стали друзьями.

Аугусту стало вдруг ужасно тоскливо оттого, что она уезжает. У него появилась даже абсурдная мысль в голове типа: «Как же я теперь тут, в степи, один, без нее жить буду?».

– Dummkopf! – крикнул сам себе Аугуст, и осекся: он частенько уже замечал за собой, что не контролирует, когда говорит вслух, а когда – про себя.

– Это по-немецки значит «дурак»? – лукавенько спросила Уля.

– Да. Ты немецкий знаешь? Откуда?

– Мама научила. И с вашими иногда тренируюсь. Только они непонятно говорят.

– Да, на волжском диалекте.

– А на кого ты «дурак» сказал?

– На коня!

– Почему это?

– Бежит слишком быстро...

– Ишь ты... Наоборот, молодец... а то Никита Игнатъич уедет, не дождется.

– Никита Игнатъич – тоже дурак.

– Это правда. Но откуда ты-то про это знаешь, когда ты только что прибыл?

– Чувствую...

И опять Уля звонко смеялась на всю степь, и сердце у Аугуста нежно дрожало. Никогда в жизни с ним такого не случилось еще. Он был счастлив, и одновременно ему хотелось плакать от горя. Вот что с ним сделали эти проклятые лагеря.

До конца пути Аугуст успел рассказать Ульяне немножко о себе – по ее просьбе, а также узнать, со своей стороны, что учиться она будет на учительницу начальных классов, а еще русского языка и литературы, чтобы вернуться потом в родное «Степное» и работать здесь в семилетке, которую отец твердо намеревается построить. Сама она, вместе с другими детьми училась в Саржале, куда они ездили каждый день на специальной колхозной лошади, которую так и звали – «Школьник». Мама возила их на этом Школьнике, потому что и сама мама работала учительницей в Саржалской школе. Но потом однажды зимой Школьника задрали ночью волки, и целую зиму занятий почти не было из-за этого. Мама занималась со «Степными» детьми то в колхозной конторе, то у них дома. Детей-то было всего девять человек. Теперь их больше. На днях самосвал отремонтируют, и будут их в Саржал возить опять, хотя учебный год уже и начался. А в войну вообще занятий не было.

– Как мамы не стало, я сама учила маленьких читать и писать. А которые побольше – тем книжки раздавала, а потом спрашивала, чтобы рассказывали. Не все слушались. Приходилось с ними драться иногда, – посетовала Уля и пригорюнилась: то ли по маме загрустила, то ли по недобитым «ученикам» своим, оставляемым теперь так надолго.

Теперь уже рассвело окончательно, дневным светом, но солнце еще пряталось за холодной, зябкой хмарью, а степь горбатилась невысокими буграми и неприветливо ерошилась на ветру сухими ковылями. И чего тут было любить, в этой унылости? Однако, степь в те минуты вовсе не занимала Аугуста. Он был весь сосредоточен на том очаровании, что сидело рядом с ним – на девушке, каких он еще не встречал в своей жизни – такой красивой, открытой и ласковой. И умной тоже. Он ловил каждое ее слово и поражался, как хорошо, как понятно она рассказывает. Много еще всякого успел он узнать от нее. Например, где его поселят. Оказывается, и вправду в отдельном доме, в домике каких-то стариков Дрободановых, которые сами были приезжие и уехали к сыну-моряку на Дальний восток. А Серпушонок – двоюродный брат бабки Дрободанихи – тоже бывший моряк – он от всяких претензий на этот домик отказался, потому что когда-то, в детстве, давным-давно, еще до революции, при царе, сироту Серпушонка там укусила крыса. А Серпушонку самому уже семьдесят лет скоро, а все его зовут все еще Серпушонком, как маленького, потому что он маленький и есть, да еще и ведет себя несерьезно, как ребенок. Все время небылицы разные сочиняет: то он черную курицу в белых валенках встретил на улице, то на аэроплане на Северный полюс летал, но самолет упал на полпути, и он всю дорогу назад пешком шел по льдам и спал в берлоге у белых медведей, чтобы не замерзнуть, и они его, проснувшись, не только не тронули, но даже накормили мороженой рыбой из остатков. А то он еще с бывшим героем, маршалом Блюхером самогонку пил – но это, кажется, даже и вправду было. Между прочим, у него красивая фамилия – Серпухов, и зовут его Андрей Иванович, только никто его так не зовет... и что если бы он не был запойным пьяницей, то мог бы стать отличным

печником. Он учился этому делу в молодости, еще до флота, но что-то там украл и пропил у мастера, поэтому мастер его прогнал...

Аугуст не мог наслушаться музыки ее голоса и умолял унылого беса этих степей, чтобы дорога не кончалась подольше. Но она тут же и закончилась. Нашел кого просить!

Потянулись домишки – маленькие, прижатые к степи, с глиняной обмазкой, крытые черным камышом, иные круглой формы, иные – квадратной. В отдалении – стайка круглых юрт. Потом дома побольше, из саманного кирпича или известняка, с тесовыми крышами, наконец, и пара деревянных домов побогаче. Русский колодец-«журавель» с качающейся бадьей, и вот уже боковые улицы поползли в стороны, и столбы с фонарями без лампочек потянулись вдоль дороги, и даже возник на кривом холме ржавый бок кладки, в котором угадывалась бывшая, взорванная советской властью церковь. Да, это было село. И в центре его, на немощенной площади стоял бревенчатый магазин с деревянным крыльцом и тремя женщинами, ожидающими открытия. Проехали чуть дальше, за угол, и увидели полторку с брезентовым тентом, в которую уже закатили бочки, и уже замыкали борта. Розовый человечек с поросычей физиономией и с таким же визгливым голосом суетился вокруг, умело матерясь и что-то отмечая карандашом в бумажке.

– Ага, прыщесса! – крикнул он, увидя Ульяну, – чуть было без тебя не уехали, училка. А это что еще за рожа новая с тобой? Не видал у вас ни разу...

– Сам ты рожа и есть, – сказал ему Аугуст, – пошел в зеркало посмотри, и сам все увидишь.

Завмаг, всеми бабами уважаемый «умывальников начальник» – властитель корыт, чугунок и мануфактуры – в удивлении распахнул рот с богатой коллекцией нержавеющей, но грязных зубов, и никак не мог постигнуть явно угрожающий смысл услышанных звуков. Так с ним разговаривало только его непосредственное торговое начальство, ну и то, которое еще выше, разумеется. Потом лавочный царь сфокусировался всеми своими рецепторами на богатом пальто и дорогом костюме молодого человека, держащего в крепких руках сыромятные вожжи, и оробел окончательно:

– Прошу прощения за отсебятину, на случай ежели задел Ваше тонкое чувство, товарищ. Мы люди грубые, неотесанные, деревня, понимаешь..., – розовый Никита Игнатич искал спасенья в лице Ули, пытаясь распознать по ней, что это за странный заморский инспектор с чуть заметным нерусским говорком свалился на его толстую голову. Но та отвернулась к своим чемоданам и закусил губы, чтобы не расхохотаться. Сдерживаемый смех проступил слезами, которые покатались по ее щекам. Она скосила глаза на вконец расстроенного, несчастного Аугуста и подмигнула ему. Аугуст мгновенно возликовал. Ничего страшного, оказывается: он ее ничуть не подвел своим несдержанным языком. И он широко улыбнулся завмагу: «Уже все забыл. Но вот такая будет инструкция: требуется довести эту девушку до самой станции и передать ее из рук в руки начальнику вокзала! Ясно? И чтобы никаких кабаков! Я лично прослежу!».

Уля принялась колотить кулаками по своим чемоданам и уже не могла больше сдерживаться. Смех ее россыпью хрустальных колокольчиков взметнулся к серому небу, и небо вздрогнуло и улыбнулось ей навстречу, и посветлело вдруг разом, и туман расступился, и блеснуло солнце. Это было настоящее чудо, но Аугуст даже не удивился, словно так и должно было произойти. Все что было связано с этой девушкой – все это было одним сплошным чудом!

Завмаг же, услышав совершенно немыслимые, вычурные слова «...довежи эту девушку...», – («это он про Ульку-соплюху, что ли?») – да еще и «лично прослежу», на всякий случай ретировался в магазин, чтобы опомниться мыслями среди родных деревянных ящиков, пахнущих мышинным дерьмом, и укрепить ослабшую, предательски задрожавшую прямую кишку глотком самогона. Аугуст же схватился тем временем за чемоданы и потащил их в кузов грузить и закреплять меж бочек и ящиков.

А кабина в машине была тесная, и Аугусту было противно и завидно думать, что Уля будет сидеть, плотно прижавшись к этой розовой свинье, да еще и к шоферу с сальными штанами – с другой стороны. Но тут уж ничего не поделаешь. Жизнь вообще несправедлива.

Пора было прощаться. Уля смотрела на него веселыми, дружелюбными глазами. Аугусту хотелось ее поцеловать и он отводил глаза, чтобы она не разгадала этого хулиганства у него во взоре.

– Все, поехали! – показался из-за крыла полторки красный, не слишком уверенный в себе Никита Игнатич, теперь уже совсем темно-лиловый. То ли от вина, хлобыстнутого второпях для храбрости, то ли от неизвестности. Загадка-то с новичком оставалась неразгаданной. А вдруг это инструктор какой-нибудь важный из Алма-Аты Ульку обхаживает. «Девка-то славненькая стала, вкусненькая. В самый раз для таких вот хлыщей столичных в габардиновых польтах. А что пальто грязное и мятое... мало ли... может, и повалились уже по дороге сюда...», – все это было написано на похабной морде повелителя керосина, ситцев и деревенских баб Никиты Игнатича...

Аугуст брезгливо передернулся и отвернулся от завмага. Свинья – она и есть свинья, чего на нее глазеть...

– Иди-ка сюда, Уля, что-то я тебе сказать хочу, – смущаясь, позвал Аугуст Ульяну в сторонку.

– Что? – насторожилась та, подходя к нему.

– Спросить я тебя хочу... можно я... у Аугуста пересохло в горле. Девушка теперь уже строго, без веселья смотрела на него.

– Что такое?

– Можно я тебе... «писать буду письма», – хотел сказать Аугуст, но не решился и произнес:

– Можно я тебе буду через отца приветы передавать?

Теперь девушка снова заулыбалась:

– Еще никогда такого смешного человека не встречала, как ты. Конечно, передавай, если хочешь.

Ну, прощай, Аугуст – Сентябрь – Октябрь. Почему папа тебя Баером зовет?

– Бауэр моя фамилия.

– А, понятно. До свидания, Бауэр-Баер. Счастливо оставаться. Ты это... когда время будет, за братиками моими присмотри немножко. А то что там тетка?! Пацаны же!

– Да, обязательно присмотрю. Мы с маленьким уже подружались...

– На полатах, что ли? А ты скорый, как я погляжу...

– Да нет, не очень... хорошо бы еще скорей...

Уля засмеялась, повернулась и побежала к машине. Хлопнула дверца. Завыл стартер, синее вонючее облако окутало улицу, и когда оно рассеялось, машина была уже далеко, провожаемая неодобрительным взглядом коня и тоскливым – Аугуста.

Назад конь шагал не торопясь. Он действительно знал дорогу, но в стойло к себе не спешил, как это воспевает классическая литература. По той простой причине, что у коня тоже был свой жизненный опыт. Он знал, что стойла не будет, а будет следующий наряд на работу. Было очевидно по его походке, что философский принцип трудовой жизни писателя Льва Толстого «лучший отдых есть смена труда» конь познал на собственной шкуре, но взгляды Толстого не разделял. Его личная философия состояла в том, чтобы бездумно и вольно шагать по степи, как можно дольше размахивая хвостом, чутко кося ухом в сторону нового человека в телеге, пытаясь понять степень его лояльности к себе и границы собственной борзости. Ведь можно было и с дороги попробовать сойти, и сухих пучков подергать тут и там, да и дальний холм сильно манил широкими видами на синие горы на горизонте, где растет еще много-много зеленой травы. Седока своего конь оценил на троечку: незлой, вожжами по бокам не охаживает, грубо не орет, но и с дороги сходить не позволяет. Действительно, погруженный в собственные мысли, Аугуст вел себя корректно по отношению к коню, но позиционировал себя хозяином положения, хотя и очень рассеянным на данный момент. Конь все это понял, тяжело вздохнул и зашагал размеренно, не желая нарываться на ожог кнута и портить такой хороший, так легко начавшийся день.

А Аугуст Бауэр в это время, свесив с телеги ноги и глядя в пустые дали, думал о своем прошлом и о своем будущем одновременно. Но даже и сами думы его были как эта степь. Прошлое уходило все дальше за горизонт, а у будущего просто не было никаких ориентиров до самого неба... Хотя почему же... были ориентиры впереди, если сосредоточиться. Свой домик, печь с огнем, мать пирог испечет... И еще одно видение, если зажмуриться, Уля!... Через четыре года она вернется, сказал председатель. Четыре года – это ерунда...

Ну что это за жадная тварь такая – человек! Только покажи ему пальчик чего-нибудь хорошего, и вот уже ему целая гора счастья представляется, и всю ее готов он проглотить разом! И Аугуст покачал головой, осуждая сам себя за слишком яркие мечты. Конь при этом тоже сокрушенно качал головой. Но тот-то о чем? Что все еще нет закона о запрете конской колбасы, что ли?...

• • •

Лето сорок девятого было жарким, дожди то собирались над дальними горами, то снова раздумывали трудиться и растворялись без следа. Тут и там горела степь, нанося урон овцеводству. Отчего она загоралась – непонятно. Серпушонки утверждали – от саранчи или от кузнечиков, которые раскаляются докрасна, когда стрекочут. В любом случае, у Аугуста было много дополнительной работы – распахать широкие межевые полосы, чтобы пожары не съели колхозных пастбищ и покосных лугов. Аугуст, можно сказать, жил в поле, порою отсутствуя в «Степном» по неделе и больше. Айдар подвозил ему «горючку» прямо в степь – вместе со сплетнями и новостями деревенской жизни. Это был он, Айдар, который сообщил Аугусту однажды в конце июля, что дочь председателя, Ульяна Ивановна, возвращается и будет принимать школу. Сердце Аугуста захолонуло и закупорило горло, но он сдержался, ничего не стал спрашивать. Да и чего там спрашивать? Возвращается и пусть себе возвращается. Будут вместе с мужем работать и с Кусачкой впридачу. Втроем. Ему-то, Аугусту, какое дело? Ему детей в школу не водить, у него другие заботы... если бы не мать – сбежал бы на Волгу. Пусть ловят, пусть двадцать лет дадут – лесов он больше не боится. Хоть немножко еще дома пожить... а если дом занят, то хотя бы в сарае. В сарае не пустят – где-нибудь еще: он ведь каждую трещинку знает в том краю, его сама земля приютит... землянку выроет, опыт есть. Так он думал, но мысли, сделав круг, все равно упорно возвращались к сообщению Айдара: Уля приезжает... Или уже приехала? И его тянуло в поселок, и он боялся там появиться. Как

он встретится с ней? Что он скажет ей? Что она ему скажет? Да ничего она ему не скажет. Она ему ничего и не обещала...

А трактор Аугуста все полз и полз по степи, преодолевая один горизонт за другим, и солнце палило и жгло, и мотор ревел, и сам Аугуст, голый до трусов и черный от пыли и загара, похож был на навозного жука, поселившегося внутри этого трактора, этого горячего, вонючего зверя, получившего солнечный удар и блуждающего теперь по степи в поисках своего дома, которого нет нигде и не будет...

Потом Айдар приезжал еще раз, и Аугуст не удержался, спросил его: «Приехала дочь председателя?». И Айдар сказал: «Нет еще».

«Ну и не придет уже», – сказал сам себе Аугуст, – уже август пошел». Наконец, он вернулся в «Степной», поставил трактор у конторы и отправился домой, делая крюк, чтобы пройти мимо пустыря, где мелкая пацанва любила гонять самодельный мяч. Он угадал: Вася и Паша Рукавишниковы были здесь. Они, конечно же, радостно кинулись навстречу дядьке Августу, наперебой сообщая свои немудреные новости. Наконец прозвучало: «А к нам Улька приезжает. С маленьким дитем! Его Спартаком зовут. Я его научу мечом драться. Я теперь тоже буду дядя называться», – похвастался девятилетний Вася. «И я тоже буду дядя», – возразил маленький Паша. «Будешь, будешь... тоже мне – дядя сопливый», – недовольно подтолкнул его старший. «Сам сопливый», – огрызнулся Паша, что было близко к правде. Проигнорировал незлую оплеуху брата и сообщил: «А я в школу пойду, в первый класс, а Васька в третий, а Улька будет нас учить, а у меня будут одни пятерки, а у Васьки – одни двойки! Отец его пороть станет! У него и в том году двойки были, ему ремешка уже обещали, но то чужие двойки были, саржальские, а за Улькины отец его точно пороть будет!».

– Ну а еще один дядя – он тоже придет к вам, правильно? – коварно спросил их Аугуст.

– Это какой еще дядя придет? – хотел знать маленький Паша.

– Ну, какой-какой... папа Спартака этого самого, племянника вашего...

– А, нет... этот не придет... Хотя я не знаю, – нахмурился старший Вася и пихнул младшего, который как раз открыл было рот, чтобы что-то добавить, – про этого мы не знаем ничего, – старший явно хитрил чего-то.

Сердце сделало странный кувырок, и Аугуст спросил:

– Ну и когда же она приезжает? Скоро август кончается... школе начинаться пора первого сентября.

– А, скоро придет... куда нам торопиться, – великодушно махнул рукой старший брат, – школа-то стоит, никуда не сбежит.

Это звучало логично.